





накомьтесь: Розальба — розовая тиранозавра. Как это — розовая? Да-да, именно так! Как и замок, в котором она жила, как и огромный сад вокруг него, утопающий в розовых кустах. Улочки, деревья, реки — всё было розовым в городе Розембурге, что раскинулся у подножия замка на цветущих склонах чудесной долины, известной как королевство Розаландия.

Розальба безмятежно правила своим розовым королевством, которое сверху казалось гигантским пушистым облаком из нежной сахарной ваты. Причём оттенок розового повсюду был столь одинаков, что прибывшие из соседних долин с трудом различали, где кончаются стены замка и начинается подъёмный мост, где вазы и где цветы, где дома, а где их жители.

Но динозавры, бронтозавры, стегозавры и прочие завры, живущие в Розембурге, подобных трудностей не испытывали. Всё потому, что с раннего возраста они жили в розовом — и у них естественным образом развивалась способность различать, где одно, а где совсем другое.

Конечно, иногда ошибались и они. Кто-то мог принять одного завра за другого. Или нарочно дать купюру в пять розовых, когда требовалась десятка. Или даже спутать яблоко с персиком: такое тоже случалось, потому что в Розембурге все фрукты были розовыми, даже груши.

Но, в конце концов, то были мелкие неудобства, избежать которых не составляло труда. Чтобы выделяться, каждый завр и каждая завра наряжались сами и одевали своих детей во что-нибудь оригинальное, не забывая при этом какую-нибудь неповторимую деталь: ленточку, галстук-бабочку, остроконечную шляпу. Всё, конечно же, строго розового цвета.

Те, кто не любил прихорашиваться, просто записывали своё имя на розовую карточку и носили её на груди, как брелок или значок. Что касается банкнот, достаточно было сделать их разными по размеру: чем больше номинал, тем крупнее. И уж совсем просто оказалось различать яблоки и персики. Зеленщики сговорились располагать первые на правой части своих прилавков, а вторые — на левой. Словом, розембуржцы хорошо обустроили жизнь в своём розовом городе.





Признаться, отличать один предмет от другого жителям Розембурга помогало ещё кое-что: узкая бледно-розовая линия, которая, словно тончайшая нить, обвивала все предметы и каждого завра, позволяя видеть их очертания. Хитрость малюсенькая, но необходимая! Все искали эти линии глазами, но никто о них не говорил. Даже под страхом пыток завры не посмели бы признать их существование.

Дело в том, что Королева не признавала никаких других цветов, кроме своего любимого розового. Она первая отрицала существование сигнальных линий, которыми пользовались все жители Розембурга. Узнай Розальба о том, что однообразие её сиропного мирка поставлено под сомнение, она пришла бы в ярость. Нет-нет, всё должно быть розовым! Оттенка её любимой розембургской розы. Всё — без исключения!



Но маленькие заврики рождались совсем не того единственного цвета, который признавала Королева. И поэтому всякий раз, когда детёныш оглашал мир своим первым слабеньким рыком, в роддоме появлялась запыхавшаяся Розальба, чтобы провести *розовины*. Причём правительницу города везде и всегда сопровождал её верный помощник, доктор Розарио Розьелло, придворный врач и признанный специалист по глазным болезням.

Что это за таинственные *розовины*, мы вам сейчас расскажем. Как только зеленоватая мордочка детёныша являлась на свет, по приказу Розальбы новорождённого или новорождённую относили в особую палату. Малыши прибывали сюда завёрнутые в розовую простыню, из-под которой виднелась только правая ягодица. И в это самое мгновение Королева расплывалась в широчайшей улыбке — до последнего зуба. Этим-то зубом, небольшим, но острым, Розальба легонько прикусывала детёныша, ловко прокалывая нежную зелёную шкурку. И вот будущий житель Розембурга начинает меняться: он приобретает красивый розовый оттенок. Ещё несколько секунд, и преобразование завершается.

После чего розовая Королева выходила из палаты совершенно счастливой. И удалялась, напевая:

**Острый зуб — мой лучший друг,
Станет розой всё вокруг.**

Жители Розембурга, привыкшие к своему розовому миру, старались не замечать яркую зелень новорождённых завриков. Но этот зелёный всполох длился всего несколько минут, пока заврики вопили от боли (укол — это всё-таки укол!). А потом они успокаивались, и всё становилось привычно розовым. Как всегда.





Жизнь города выглядела спокойной, как прозрачная капля воды, застывшая на розовом лепестке. В мире, лишённом различий, Розальба благодушно предавалась любимым занятиям: чтению любовных романов (с розовыми обложками, разумеется) и кулинарии. Она потчевала своих гостей удивительными ужинами, на которых подавались:

-  паста с розовыми креветками в розовом соусе
-  лапша с лососем и бледно-красной редькой
-  свинина с розмарином, украшенная масляными розочками
-  фруктовый салат с розовым грейпфрутом
-  мороженое с розовыми лепестками

Все эти восхитительные блюда полагалось обильно запивать изысканным соком из розового винограда, цвет которого, не нарушая гармонии окружающего мира, был получен виноградарями королевства путём долгих проб и направленного отбора.

Итак, всему сущему в Розембурге, казалось, суждено было оставаться розовым до бесконечности (а будь у бесконечности цвет, мы бы легко отгадали, какой).





Но однажды прямо во время одного из тех обедов, что Розальба устраивала у себя в замке, её срочно вызвали для очередных *розовин*. И её это раздосадовало. Во-первых, появляться на свет вечером — само по себе необычно и даже неприлично. А во-вторых, королевский приём остался из-за этого без последнего, завершающего штриха — Розальба не успела представить гостям свою любимую картину «Розовый квадрат на розовом фоне» художника Розамира Розевича.

Прибыв в роддом в сопровождении верного доктора Розьелло, Розальба без промедления отправилась в родильную палату, намереваясь решить это дело как можно скорее, чтобы успеть вернуться в замок и закончить ужин, как было задумано. Завтра, ставшая причиной недовольства правительницы, оказалась ужасно вертлявой! И пока её везли из родильного зала в палату, где ждала Королева, перекувырнулась под простынёй по меньшей мере трижды. Правительница, не склонная на сей раз расточать улыбки, поспешила начать процедуру, но, так уж вышло, вместо правой стороны уколола волшебным зубом левую. И принялась наблюдать за превращением, начавшимся, как и полагается, в ту же секунду.

То ли из-за слишком позднего времени, то ли из-за слишком большого количества выпитого виноградного сока, Розальба не обратила внимания, что завтра хоть и стала розоветь, но немного иначе, чем остальные жители Розембурга. Ускользнуло это и от доктора Розьелло, который специально находился рядом, чтобы за этим проследить. Он, честно говоря, тоже махнул несколько рюмашек.

Так и случилось, что Виолетту — какое дерзкое имя, не правда ли? — вернули родителям окрашенной по-особенному. Природная зелень с неё, конечно, сошла, но тот самый привычный всем оттенок «розембургская роза» так и не появился. Заметили это, разумеется, только родители. Но помалкивали. Мало того: они и вправду пытались убедить себя, что просто переволновались. Внезапные роды, спешный путь в роддом, томительное ожидание первого крика. Столько тревожных! Тут и самый зоркий глаз затуманится!





В младенчестве у Виолетты особых проблем не было. Никто не обращал внимания на этот её отличающийся оттенок. А те немногие, кто всё-таки обращал, делали вид, что ничего не замечают — как притворялись, что не замечают вышеупомянутых бледно-розовых линий.

Но со временем разница между цветом, предусмотренным Королевой, и цветом Виолетты, слегка более насыщенным, с фиолетовыми оттенками, становилась всё очевиднее. И теперь, когда родители Виолетты убедились, что это не обман зрения, им приходилось очень стараться, чтобы скрыть особенность дочери от посторонних глаз.

Хорошо ещё, что папа-завр был аптекарем, ведь только аптекарям, в интересах общественного здоровья, разрешалось иметь дело с порошками иных цветов, кроме розового. К тому же он от рождения обладал художественными способностями. Так что, смешивая разные компоненты, он довольно быстро подобрал рецепт чудо-крема для Виолетты, который, будучи нанесённым на шкурку, делал её неотличимой от подружек.



Непоседливой малышке не нравилось, что каждое утро ей приходится натирать папиной мазью все открытые части тела. И соблюдать осторожность повсюду: в школе и на улице, в парке и на рынке, чтобы резким движением случайно не задраить одежду. Она уверяла, что страдает от ужасной аллергии. Но по-настоящему страдала она оттого, что не была такой розовой, как все.



В школе Виолетте приходилось особенно несладко. Родители добились разрешения не посещать уроки физкультуры, чтобы не выдать необычную окраску. Риск разоблачения был слишком велик: мазь могла сойти от пота. Впрочем, нет худа без добра, Виолетта занималась гимнастикой в своей комнате и бегала на заднем дворе. Причём старалась выходить на пробежку в сумерки или в пасмурные дни, когда её собственный цвет больше походил на цвета всего остального города, приглушённые тенью.





С уроками чтения Виолетте пришлось сложнее, чем с физкультурой. Любовные истории розембургских писателей заканчивались не обычным в таких случаях «и жили они долго и счастливо», а загадочным «у кого есть розы — тем не страшны морозы». Повторяя про себя это выражение, Виолетта чувствовала, как её сердце сжимается, а мордашка, и без того не слишком радостная, становилась совсем печальной. Её подружки — Розарии, Розетты, Розамунды — думали, что Виолетта грустит, переживая за героев. Но всё обстояло иначе: Виолетта грустила, потому что ей казалось, что эта фраза лишает её какого бы то ни было будущего. Ведь оно доступно лишь тем, у кого есть розы. Розы, а не фиалки.

Список фраз, способных поранить Виолетту, можно было продолжать до бесконечности. Казалось, пословицы придумали специально, чтобы её уколоть. Можете представить, как она страдала, если кто-то, желая выразить своё восхищение Розембургом, уверял, что жизненный путь его горожан «выстлан розами»!

Что уж говорить про расхожее выражение «не бывает розы без шипов». Оно, конечно, так, особенно в Розембурге. Но Виолетте казалось, что шипы всех роз нацелены только на неё.

Учитывая всё это, стоит ли удивляться, что со временем характер у Виолетты испортился. Ей надавали много обидных прозвищ. Её называли «жертвой невРОЗА». Уверяли, что она словно «пришла с моРОЗА» и вообще — одна сплошная «угРОЗА». Это вгоняло малышку в такую грусть, что она прямо заболела. А её фиолетовый оттенок с каждым днём становился всё отчётливее.





Именно тогда удача наконец-то улыбнулась Виолетте. Честно говоря, удача всё время была у неё прямо под носом, но, как это часто бывает, Виолетта просто не обращала на неё внимания.

Как нам уже известно, папа завры, будучи фармацевтом, имел право работать с образцами не только розового, но и других цветов. Виолетта об этом знала, но вход в его лабораторию посторонним был строго воспрещён.

Однажды, когда папа-завр ушёл куда-то по делам, странное, непреодолимое любопытство толкнуло её прокрасться в лабораторию. На столе, уставленном колбочками, пузырьками и баночками, Виолетта впервые увидела то, что навсегда изменило её взгляд на мир. Рядом с миской знакомой розовой мази стояли ещё две, наполненные порошками невиданных ею ранее цветов и снабжённые этикетками:

БЕЛЫЙ ЦВЕТ КРАСНЫЙ ЦВЕТ

Глаза у завры распахнулись.

«Что?! Значит, для того, чтобы добиться этого гадкого оттенка, которым я вынуждена мазаться каждое утро, папа смешивает такие красивые и яркие цвета?»

Белый цвет выглядел таким чистым и ясным, что, казалось, светился изнутри. Красный же был насыщенным и жарким, будто вот-вот закипит. Что уж говорить про жёлтый, синий, зелёный, оранжевый, чёрный...